

МАТЕРИАЛЬНЫЕ НОСИТЕЛИ ТРАДИЦИОННОЙ УДМУРТСКОЙ СИМВОЛИКИ

Н. В. БОРТНИКОВА,

аспирант ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
(г. Ижевск, РФ)

Структура традиционного жилища удмуртов и его предметно-бытовая обстановка служили материальным отражением мировоззренческих, духовных составляющих национальной культуры этноса, его истории и жизненного уклада. Под влиянием указанных факторов у народов сформировалось представление, что традиционное жилище является условной малой символической «моделью мира» – пространством, освоенным людьми. Поэтому само жилище и предметы быта олицетворяли и были материальными носителями множества сакральных образов, выраженных через конструктивно-технологические и эстетические особенности, а также знаковую символику [1–3].

В настоящее время проектирование жилища и его предметно-бытового наполнения производится без учета этнодуховной составляющей, которая до глобальной индустриализации общества пронизывала весь окружающий материальный мир человека. Традиционные материальные носители культуры постепенно исчезают, унося с собой значительный пласт неповторимого этнического колорита. В связи с этим в научных исследованиях особое внимание уделяется такой проблематике, как сохранение традиционной этнокультурной составляющей в разрезе ее адаптации к предметам бытовой обстановки современного человека – объектам промышленного проектирования и производства. Такой подход представляется акту-

альным и новаторским в деле сохранения культурного наследия этносов.

В свете вышеизложенного рассмотрим в качестве адаптационного источника традиционную планировку и предметно-бытовую обстановку красного угла удмуртского жилища («торо шор»), имея в виду, что все жилище условно делилось на зоны, которые не только были различными по функциональному назначению, но и имели различную сакрально-ритуальную значимость в доме.

Главенствующее место в удмуртском доме занимала зона красного (переднего) угла. По этому поводу у П. А. Орлова читаем: «Являясь семантическим центром жилища, красный угол выступает как посредствующее звено между вселенной (макрокосмом) и человеком (микроскопом), является местом их пересечения. Здесь проходит связующая нить между небом, землей и человеком. В *торо шор* происходит обмен ценностями между мирами, превращение ценностей потустороннего мира в ценности, значимые в мире людей» [9, 40]. Из цитаты видно, что удмурты называли красный угол словосочетанием «торо шор». С той же целью использовались другие словосочетания: «торо сэрег» [12, 67], «мудор сэрег» или «Инмар сэрег» [9, 83] от слов «торо» – вождь, хозяин, старейшина; «шор» – середина; «сэрег» – угол; «мудор» – центр, край земли, полка для хранения воршудного короба с сакральными реликвиями; «Инмар» – главное божество, бог неба. Понятие «торо

шор» («торо сэрег») означало собственно особое место в доме, ориентированное строго по сторонам света. Чаще всего это были южная, юго-восточная или юго-западная стороны, так как именно здесь, по представлениям удмуртов, обитали боги-покровители. «Торо шор» находился в обжитой части дома, поэтому в жилище народов-язычников в переднем углу часто располагалась священная полка «мудор» с сакральными предметами языческого культа (воршудный короб). У крещеных удмуртов в переднем углу устраивался иконостас.

В традиционном жилище разных народов различные его области закреплялись либо за мужчинами, либо за женщинами и детьми. По представлениям удмуртов, «передний угол дается мужчинам, а противоположный ему, напротив печки, женщинам» [4, 11]. В зоне красного угла, которая являлась в основном мужской частью избы, располагались сундук хозяина и стол (символы благосостояния семьи), лавки (отдельно мужские и женские). Удмуртские женщины наряду с мужчинами принимали активное участие в бытовых обрядах, проводимых в зоне красного угла. Здесь находились орудия женского труда, в частности прялка (когда женщина не прядла, прялка располагалась под столом так, чтобы были видны ее орнаментированные части), и его результаты (скатерти, полотенца). Размещенный в переднем углу сотканый женщиной текстиль (полотенца, скатерти) имел особое сакральное значение, и в его украшении использовались тканые или вышитые орнаментальные мотивы, имеющие трехчастную композицию и символизирующие условно «модель мира», «мировое древо», идею плодородия, женского начала.

Доступ в красный угол, с которого начиналась жилая часть дома, условно был отделен от входа плоскостью матицы (по-удмуртски «мумыкор» – мать-бревно), которая служила границей между «чужим» (вход/выход, дверь, порог, Нижний мир) и «своим» (внутренняя, передняя часть избы, Верхний мир).

Функционально матица представляла собой центральный брус, поддерживающий среднюю часть потолка. В передний угол (за матицу) никогда не допускали чужого человека, что нашло отражение в удмуртских пословицах: «Званный гость – в красном углу, незванный – у порога» [15, 103]. У удмуртов сакральное значение переднего угла дома постепенно возрастало с исчезновением религиозного значения дворового языческого святилища «куала», что сопровождалось изменением обрядов, связанных как собственно с передним углом, так и с его основными атрибутами – столом, стулом, полкой для хранения религиозных предметов культа.

В переднем углу по традиции главное место занимал общий обеденный стол «...так как именно в месте за краем стола, стоящего в переднем углу, торо шор и находился» [13, 113], о чем также говорится в удмуртской загадке: «В доме стоит один, без него жить невозможно» [11, 74]. Именно за столом объединялась вся семья: мужчины, женщины и дети. Мужчины во время трапезы садились по левую часть стола, женщины и дети – по правую сторону или на лавки. Считалось, что «...самый акт совместной еды и питья зачастую есть не только проявление дружбы или родства, но в ряде случаев он сам создает отношения дружбы» [14, 5], в то время как «в недружной семье даже за столом спиной друг к другу сидят» [15, 117]. Удмурты относились к столу (по-удмуртски «жок») как к живому существу, наделенному душой [6, 56].

В древнем обществе стол как определитель социального статуса дома и центр сплочения всей семьи обладал сакральным значением, особенно во время обрядов, связанных с появлением в доме нового члена семьи (ребенка, невестки). Самым почетным местом за столом было то, что смотрело в передний (красный) угол, куда могли садиться только старики («считается неприличным, если молодой человек в присутствии пожилых людей сидит в переднем углу» [12, 85]). Нельзя было кричать, ссориться за столом, сту-

чать по нему, царапать его, иначе, по народным поверьям, из дома уйдет счастье.

Со столом были связаны многие бытовые обряды с участием женщин. Так, например, во время свадьбы:

– невесте разрешалось садиться на край стола в переднем углу либо там села ее ближайшая родственница, так как передний угол не должен был пустовать, чтобы новоиспеченная семья была крепкая дружная;

– невесту трижды обводили вокруг стола обязательно по движению солнца. Этот ритуал означал прощание ее с отчим домом и вхождение в новую семью мужа;

– за столом проходил обряд «сюлык кыскон», когда с невесты снимали платок, представляя ее (открывая ее лицо) семье жениха.

Стол в красном углу «торо шор» характеризовал материальное благополучие семьи. При этом накрытый стол являлся символом изобилия и достатка. Удмурты говорили: «В дом ваш только вошли и на передний угол взглянули – тут же мы поняли, как вы богаты. На столе посланная ваша скатерть, словно утром выпавший иней (белая)» [5, 143].

Скатерть у удмуртов традиционно обладала особым сакральным статусом. Сотканная женщиной скатерть была обязательным атрибутом удмуртского стола, так же как и испеченный ею каравай хлеба, который даже при отъезде хозяев из дома на долгое время оставался на столе в качестве оберега [6, 54–57; 12, 83–86]. Во время свадебных обрядов, когда жених с невестой вставали из-за стола, невеста должна была дернуть за краешек скатерти, чтобы подружки невесты быстрее вышли замуж. В случае благоприятного сговора родители невесты дарили родителям жениха новую скатерть, которой тут же покрывали стол. Невеста дарила родителям жениха скатерть как пожелание им и всему роду «ровной дороги» (долгой жизни и здоровья) [7, 50; 13, 147].

Скатерть выступала как связующее звено между возвышенным миром богов и более приземленным миром людей. Пища на обеденном столе в красном углу, по пред-

ставлениям удмуртов, была одновременно священным даром богов, который нельзя было осквернить, и жертвоприношением богам и воршуду рода.

Интересно отметить, что особое сакральное значение скатерти распространялось не только на красный угол «торо шор», но и на ритуальное принятие пищи. Это можно проследить на примере ритуального принятия пищи в священной роще Луд, когда скатерть стелилась либо на стол, либо прямо на землю, символизируя жертвенник. Возможно, поэтому удмурты называют скатерть «жоккышет» («жок» – стол, «кышет» – женский платок), что дословно означает «платок стола» [6, 56]. В особых случаях (например, во время свадьбы) вместо скатерти в роще Луд перед священным деревом рода (шаманским деревом) расстилалось свадебное женское платок-покрывало «сюлык» с древовидным орнаментом, где обязательно присутствовали традиционные удмуртские мотивы: ромб с отростками, треугольники, углы, которые символизировали идею плодородия, женские силы. Этот орнамент являлся также символическим изображением Мирового древа, Вселенной, олицетворением трех миров (Верхнего, Среднего и Нижнего) [3]. Именно богам этих миров жертвовали (клали на скатерть) ритуальные блюда: хлеб – символ солнца (Верхний мир), кашу с мясом (Средний мир), кумышку (Нижний мир).

Скатерть имела кайму, орнамент которой нес определенную смысловую нагрузку, являясь магическим оберегом. При этом два полотнища скатерти соединялись швом в виде узорной полосы-прошивки с тем же рисунком и цветом, что и кайма скатерти. Относительно общей орнаментации скатерти можно сказать следующее. Самыми распространенными орнаментами удмуртской скатерти были геометрические мотивы – ромбы, розетки, кресты, треугольники, углы, зигзаги, а также сложное переплетение основных орнаментальных мотивов и цветных нитей. По мнению этнографов, ромбический мотив скатерти является сильно стилизованным

вариантом мотивов «питыри», «питырес» (окружность, круг) – семантического изображения солнца, Шунды-Мумы, верховного божества Инмара. Ромб с отрезками (мотив «куска»), использованный в орнаменте скатерти, олицетворял плодородие, продолжение жизни, рода, соединение мужского и женского начал. Розетки, квадраты и кресты символизировали четырехчастную модель Вселенной, графический план мира, стороны света: «Крест внутри четырехчастной фигуры – частое явление в геометрическом орнаменте. Крестом как бы обозначен центр, а контуром квадрата или ромба очерчены границы родовой земли» [8, 102]. Орнаментальные мотивы «треугольники» и «углы» издревле символизировали женское чрево, детородный орган. Как считают этнографы, треугольник – древнее изображение Вселенной (в виде Мировой горы), Мирового дерева. Повторяющиеся углы создают мотив «елочка» или «зигзаги» – символы «...женской природной силы, плодотворящего низа, образующего основу, корни родового дерева, воршудной богини, стоящей у истоков рода» [8, 104]. Зигзагообразный мотив также символизировал дождь, небесную влагу.

Традиционная цветовая гамма знаковой символики удмуртов состояла из трех основных цветов (белого, черного, красного): белый цвет символизировал небесную чистоту, возвышенность, бога Инмара, женское молоко, оплодотворяющее мужское семя; красный – жизнь, кровь, солнечный свет; черный – землю, плодородие.

Орнаментальные мотивы скатерти на обеденном столе красного угла «торо шор» символизировали идею плодородия, изобилия, сытости, материального достатка отдельной семьи и всего рода, единство трех миров (Верхнего, Среднего, Нижнего). Семантика данных образов ассоциировалась в сознании удмурта «...со становлением социума, с осознанием его единства» [8, 111], где красные орнаменты на белом фоне служили магическим оберегом, смысл которого передавался из поколения в поколение.

Удмуртские скатерти в красном углу «торо шор» были прямоугольной формы и определялись геометрией обеденного стола с отношением ширины к длине 2:3. Скатерти сшивались из отдельно сотканных полос, что было обусловлено габаритами традиционного ткацкого станка, который позволял ткать полотна шириной в пределах 35–45 см [7, 47].

Технологически на удмуртских станках скатерти выполнялись в многоремизной или бранной технике ткачества, которые придавали сотканным полотнам определенные художественно-эстетические особенности. При этом орнаментальный узор на удмуртских скатертях был геометризированным и во многом определялся технологией ткачества.

Многоремизная техника ткачества обеспечивалась посредством нитов и подножек, когда нити основы (продольные) и нити утка (поперечные) переплетались под прямым углом. Ткани, выполненные в многоремизной технике, создавались при помощи ремизок или ниченок (специальных приспособлений на ткацком станке), которые в определенном порядке поднимали нити основы, чтобы проложить нити утка (такое переплетение называют еще полотняным). У удмуртов были распространены четырех- и восьмiremизные станки, но встречались и шестнадцатiremизные, что позволяло ткать более тонкие гладкие полотна с тканой удмуртской символикой. Именно из таких полотен шились цветные праздничные скатерти и ритуальный текстиль [10, 116–118].

Бранное ткачество на станке выполнялось с помощью специальной длинной узкой дощечки – бральницы, которая с одной стороны была слегка заострена, чтобы удобнее было захватывать нити. По внешнему виду полотно, выполненное в технике бранного ткачества, имитировало вышивку, т. е. узор в отличие от многоремизной техники ткачества получался более рельефным [10, 143–149]. В данной технике изготавливались в основном ритуальные полотенца, которыми украшалась священная полка «мудор» в красном углу,

и повседневные белые скатерти на столе красного угла.

Из представленного в статье описания видно, что планировка красного угла и его предметно-бытовое наполнение не только являлись материальным отражением основных мировоззренческих, духовных составляющих национальной культуры удмуртского этноса, но и находились в тесной взаимосвязи друг с другом, олицетворяя традиционный жизненный уклад. Практически все предметы, их расположение и орнаментация имели сакральное значение. При этом главенствующее место в красном углу занимал обеденный стол, покрытый скатертью. Именно тка-

ная сакральнo-символьная орнаментация скатерти и наличие «мудора» с тканым полотенцем придавали красному углу «торо шор» значение места духовной и материальной связи с богами и духами предков.

Структура информации, полученная на основе подробного искусствоведческого анализа отдельных зон традиционного удмуртского дома, которая представлена в статье на примере красного угла «торо шор», является полной, взаимосвязанной в описании и может быть взята за образец для формирования разноплановой информации по другим зонам удмуртского дома.

Поступила 11.11.2013

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бортникова, Н. В.* Критериальный анализ специфических особенностей объектов материальной культуры этноса / Н. В. Бортникова, С. Н. Зыков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 7 (33) : в 2 ч. – Ч. 1. – С. 33–36.
2. *Бортникова, Н. В.* «Мировое древо» в символике предметной среды удмуртов / Н. В. Бортникова, В. Г. Желудов // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2013. – № 6 (73). – С. 34–37.
3. *Бортникова, Н. В.* Специфические характеристики объектов предметно-бытового наполнения крестьянского жилища / Н. В. Бортникова, С. Н. Зыков, А. Н. Обухова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 10 (36) : в 2 ч. – Ч. 2. – С. 35–37.
4. *Васильев, И.* Обозрение языческих обычаев, суеверий и религии вотяков Казанской и Вятской губерний // ИОАИЭ. – Казань, 1906. – Т. 22, вып. 5. – С. 321–349.
5. *Верецагин, Г. Е.* Этнографические очерки : собр. соч. : в 6 т. – Ижевск : Изд-во Удм. ин-та истории, яз. и лит., 1998. – Т. 3, кн. 1. – 309 с.
6. *Виноградов, С. Н.* Кладезь удмуртской философии и магии : [статьи об обычаях, традициях, мировоззрении удмуртов] / С. Н. Виноградов. – Ижевск : Инвожо, 2010. – 148 с.
7. *Климов, К. М.* Удмуртское народное искусство / К. М. Климов. – Ижевск : Удмуртия, 1988. – 200 с.
8. *Молчанова, Л. А.* Удмуртский народный костюм (история и символика) / Л. А. Молчанова. – Ижевск, 2006. – 132 с.
9. *Орлов, П. А.* «Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / П. А. Орлов. – Ижевск, 1999. – 107 с.
10. *Основы художественного ремесла. Вышивка. Кружево. Художественное ткачество. Ручное ковроделие. Художественная роспись тканей : практ. пособие для рук. шк. кружков / под ред. В. А. Барадулина и О. В. Танкус. – М. : Просвещение, 1978. – 255 с.*
11. *Первухин, Н. Г.* Эскизы преданий и быта вотяков Глазовского уезда : в 5 эскизах / Н. Г. Первухин. – Вятка, 1888–1890. – Эскиз 3. – 83 с.
12. *Садиков, Р. Р.* Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты) / Р. Р. Садиков. – Уфа : Гилем, 2001. – 181 с.
13. *Садиков, Р. Р.* Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития) / Р. Р. Садиков. – Уфа : Центр этнол. исслед. УНЦ РАН, 2008. – 232 с.
14. *Токарев, С. А.* К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. – 1970. – № 4. – С. 3–17.
15. *Удмуртский фольклор. Загадки / сост. Т. Г. Перевозчикова. – Ижевск : Удмуртия, 1982. – 254 с.*